

Данные показатели свидетельствуют о том, что автору важно раскрыть максимально возможное количество информационных связей. К тому же отнесение к конкретной референции помогает авторам звучать объективно и непредвзято. А употребление неопределенных или обобщенных субъектов создает впечатление распространенности излагаемого мнения и, в определенной степени, снимает ответственность с автора статьи.

А. И. Турковская, Н. П. Петрашкевич

ПОЗИЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ПЬЕСАХ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Изменение морфологической системы английского языка в среднеанглийский период повлекло за собой усиление роли порядка слов в передаче синтаксических отношений. К началу ранненовоанглийского периода (XVI–XVII вв.) функциональная нагрузка порядка слов претерпевает ряд серьезных изменений: постепенно порядок слов становится одним из ведущих средств передачи синтаксических отношений, в частности, стабилизируется порядок подлежащего и прямого дополнения относительно глагольного сказуемого в повествовательном предложении. Таким образом, грамматическая функция порядка слов начинает играть такую же (если не более важную) роль, как и коммуникативная, обеспечивающая очередность подачи информации от известного к новому (*end-focus principle*). При этом обстоятельство, чаще всего не входящее в число структурно обязательных компонентов предложения, сохранило относительную свободу места в предложении. Проследить один из этапов становления синтаксических норм можно в произведениях английского драматурга Уильяма Шекспира.

Особенности расположения обстоятельств в предложении в ранненовоанглийский период были рассмотрены на материале пяти пьес – комедии «Сон в летнюю ночь» (*Midsummer Night's Dream*), «Венецианский купец» (*The Merchant of Venice*), романтической комедии «Буря» (*The Tempest*) и трагедий «Гамлет» (*Hamlet*) и «Отелло» (*Othello*).

Чаще всего У Шекспир помещает обстоятельства в начале предложения. Такая позиция была типичной для английского языка его времени и таковой остается по сей день. Например:

Upon the heat and flame of my distemper sprinkle cool patience;

In sooth, I know not why I am so sad;

Here in this island we arriv'd;

Начальная (тематическая) позиция в предложении, как правило, сигнализирует об известности информации, заключенной в теме, а информационный фокус приходится на конечную (рематическую) часть предложения:

Upon my power I may dismiss this court;

In the corrupted currents of this world

Offence's gilded hand may shave by justice.

Такое расположение обстоятельства нередко влечет полную инверсию сказуемого для освобождения финальной позиции для подлежащего, которое несет новую информацию (коммуникативная инверсия):

At this hour Lies at mercy all mine enemies.

Чаще, однако, инверсия в предложениях с начальным обстоятельством является эмфатической, поскольку обстоятельство оказывается носителем новой информации, которая, предшествуя данной, создает необходимое условие для эмфазы (так называемый «субъективный» порядок слов – от нового к данному). Эмфатическая инверсия наиболее широко употребляется в пьесах драматурга и представлена разнообразными по типу структурами, заметно отличающимися от современной нормы.

*Thus twice before, and jump at this dead hour,
With martial stalk hath he gone by our watch;
Yet so far hath discretion fought with nature that... ;
Most humbly do I take my leave, my lord.*

Похожие структуры могут не иметь инверсии. Сравним *Even from the gallows did his fell soul fleet* и *Even here I will put off my hope*. Отсутствие инверсии во втором предложении дает возможность предположить, что оно не является эмфатическим и новая информация находится в рематической части (*I will put off my hope*). Подобным образом организовано и следующее предложение:

*Now on the beak, now in the waist, the deck, in every cabin,
I flam'd amazement.*

Ритмически более полновесная группа однородных обстоятельств, вынесенная, вопреки принципу «тяжелого конца» (end-weight principle), в начало предложения, не имеет никакого прагматического эффекта: отсутствие инверсии показывает, что информация распределена от данного к новому («объективный» порядок слов) и в предложении отсутствует эмфаза.

В приведенных выше примерах с препозитивными обстоятельствами эмфатическая инверсия сказуемого является частичной, что соответствует и современной норме. Кроме частичной инверсии вспомогательного или модального глагола, в пьесах У. Шекспира встречается полная эмфатическая инверсия:

*And, **supportable to make the dear loss**, have I means much weaker than you may call to comfort you, for I have lost my daughter.*

В данном примере полная инверсия сказуемого может быть объяснена особым статусом глагола *have*, который также используется как вспомогательный. Такое употребление сохранилось в современном британском варианте английского языка в общих вопросах: *Have you any idea what it's like?*

Полная эмфатическая инверсия в предложениях, где начальное место занимает обстоятельство с отрицательным или ограничительным значением, является, видимо, особенностью средневекового английского языка, так как в современном английском такой тенденции не наблюдается. Например,

Never till this day saw I hin touch'd with anger so distemper'd.

Отметим, что расщепление сказуемого на эмфатический вспомогательный глагол *do* и знаменательный инфинитив в эмфатических предложениях также имеет место без инверсии:

Before the time I did Lysander see;

O then, what graces in my love do dwell

That he hath turn'd a heaven unto a hell.

Ведущая роль вспомогательного глагола *do* в эмфатических конструкциях подтверждается его использованием без инверсии и без наличия обстоятельства в позиции темы:

My pulse, as yours, doth temperately keep time, and makes as healthful music.

В таких случаях эмфатически выделяется только сказуемое (*doth ... keep*) в составе ремы, несущей новую информацию.

Эмфаза сказуемого также может быть подчеркнута помещением обстоятельства непосредственно перед ним:

*I perceive these lords **At this encounter** do much admire that they...*

Some food we had and some fresh water that A noble Neapolitan, Gonzalo,

Out of his charity, who being then appointed Master of this design,
did give us.

Серединная позиция обстоятельств – между группами подлежащего и сказуемого – является также средством разграничения тематической и рематической частей предложения и своего рода подготовкой к восприятию важной информации:

*Tis **in my memory** lock'd;*

*... We **with wisd sorrow** think of him, Together with remembrance of ourselves.*

Расположение обстоятельств в начальной и серединной позициях свидетельствует о стремлении к помещению сказуемого в информационный центр предложения, что говорит о динамичности синтаксических построений в шекспировских произведениях.

Таким образом, можно констатировать, что обстоятельства в произведениях У. Шекспира обладают большой свободой расположения в предложении, что можно объяснить высокой эмоциональностью и экспрессивностью его синтаксиса. Известно, что великому драматургу свойствен импульсивный синтаксис, характерный для живой разговорной речи. Положение обстоятельств в предложении определяется главным образом коммуникативными и экспрессивными задачами. Чаще всего У. Шекспир помещает обстоятельства в начальную позицию в предложении, нередко сочетая их с эмфатической инверсией. Наблюдается структурное разнообразие предложений с обстоятельствами, и некоторые из них уже не характерны современному английскому языку. В коммуникативном плане вынесение обстоятельств в позицию темы освобождает рематическую позицию для информационного фокуса. Разграничению данной и новой информации также способствует серединная позиция обстоятельств между группами подлежащего и сказуемого, что усиливает информационный вес сказуемого.